

О лубочном христианстве, игумен Петр Мещеринов

В качестве отклика на статью «О повседневном миссионерстве» я получил от некоей прихожанки одного из московских храмов письмо. Мне бы хотелось остановиться на некоторых выдержках из него.

Прихожанка одного из московских храмов, в частности, пишет:

В разделе «Христианство лубочное и подлинное» (в конце последнего абзаца) написано:

«Вообще нужно учитывать, что образовательный и интеллектуальный уровень современного человека довольно высок, и его вряд ли может удовлетворить сюсюканье о Боге и Церкви на «птичьем языке» (???) и ворох сомнительных историй, неизвестно откуда взявшихся (?)»

Вопрос: выделенное мною в контексте совершенно немыслимое словосочетание – это, что, «новое слово» в нашей православной богословской науке, да еще на некоем «птичьем языке»?

А «лубочное христианство» – это что ли некая современная «ветвь» в нашем православии?

До сих пор были известны такие понятия, как «лубочная живопись» или «лубочная литература». Но «лубочное христианство»... Как мне представляется, здесь, мягко говоря, перепутаны такие понятия, как «лубок» (примитивизм) и фольклор (устное народное творчество), что присуще нашему мудрому русскому народу?

Оставим в стороне филологические изыскания. То явление, которое я назвал «лубочным христианством», присутствует в нашей церковной жизни как факт. Оно есть неверное восприятие Церкви, при котором игнорируются два основных принципа церковной жизни: христоцентричность и синергия.

Христианство имеет определённую иерархию ценностей, а именно: главное в нём – Сам Христос, Его божественная Личность. Он есть Альфа и Омега, начало и конец (Откр. 1,8); Он есть Путь, Истина, Жизнь и Воскресение (Ин. 14, 6; 11, 25); для верующего Христос – это всё (преп. Марк Подвижник). Цель жизни христианина – соединиться со Христом, жить Им и с Ним, и в Нём обрести спасение и мир, счастье и бессмертие. Именно для этой – ни для какой иной – цели Бог основал на земле Церковь, в которой через Таинства Духом Святым и происходит приобщение верующей души Христу Господу. Церковь – не просто средство индивидуального освящения человека. Во Христе человек обретает действительную полноту жизни, а, следовательно, и общение с другими людьми; причём для Церкви совершенно несущественно, живёт человек на земле или уже отошёл в мир иной, ибо в Церкви нет смерти. Церковь – не просто сообщество верующих или специфическая организация. По сути своей Церковь есть Тело Христово. Отсюда и вытекает принцип христоцентричности. Он означает, что в Церкви всё без исключения должно возводиться ко Христу Спасителю.

За 2000 лет своего существования Церковь накопила огромное богатство – духовное, культурное, социальное и проч., которое облекалось в великое множество форм и явлений, затрагивающих все сферы человеческого бытия. И все эти церковные формы и явления существуют исключительно для того, чтобы тем или иным образом приобщить или способствовать приобщению человека Иисусу Христу. Если мы, в силу тех или иных причин, начинаем воспринимать эти внешние церковные формы как нечто самоценное, вне контекста Христа, то мы совершаем ошибку, подменяя главное – второстепенным, существенное – формальным, – ибо без Христа всё абсолютно бессмысленно, пусть даже и в Церкви.

Слово синергия означает «совместное действие», сотворчество Бога и человека. Благодать Божия,

присущая Церкви, никогда не действует насильственно, автоматически; Бог всегда уважает свободу человека и ждет от него сознательных и совершенно свободных религиозных движений сердца и действий. Этот принцип соблюдается во всех сторонах религиозной жизни. Всё в Церкви рассчитано на осознанную ответственную жизнь христианина; в Церкви нет ничего формального, «слепого», того, что совершается «само по себе», как бы «в обход» человеческого произволения.

Вышеназванные принципы церковной жизни существуют вовсе не для умозрения, но, как и всё в Церкви, для жизни. Из христоцентричности и синергии вытекает необходимость нравственного труда для соединения со Христом. Так как от ветхого Адама мы наследуем падшую природу, нам необходим труд противления ей и понуждения себя на исполнение заповедей Божиих, которым только и усвоится благодать Христова человеку. Многих людей такое христианство не устраивает. Не будем разбирать здесь причины, почему это происходит – это и боязнь свободы, и недооценка нравственности, и т.д. В противоположность настоящему, «трудному» христианству существует гораздо более распространённое другое христианство. Оно характеризуется, в числе прочего, двумя вещами: двоеверием – христианством без христоцентризма, и магием – христианством без синергии и нравственного труда.

Двоеверие – явление, традиционное для Руси, характеризующееся принятием и усвоением обрядовой стороны Православия при том, что дух жизни остаётся языческим. После 70 лет гонения на Церковь и потери людьми элементарной церковной грамотности двоеверие, не купируемое теперь, как раньше, целенаправленными пастырскими усилиями, получило широкое распространение. Причём двоеверие в наши дни – это уже не столько прыгание через костёр на Ивана Купалу и святочные гадания, сколько вектор жизни. Оно убирает из нашей религии Христа и ставит на Его место реалии падшего мира. Целью в этой системе взглядов является не Сам Господь и жизнь в Нём, а получение от Него вполне земных благ; Сам же Господь и Его заповеди никого не интересуют. Интересно, что и сами церковные формы при этом теряют свою целостность и становятся какими-то полуязыческими. Всё церковное, к чему прикасается язычество, профанируется и опошляется, так что многие люди под Церковью понимают не Христа и христианскую жизнь, а Масленицу, Красную горку, яблочные и прочие «Спасы», «народные приметы» и тому подобные вещи. Отсюда и происходит «птичий язык», так возмутивший прихожанку одного из московских храмов. Вдумайтесь, дорогие читатели: может ли наше спасение быть медовым? можно ли Господа нашего Иисуса Христа назвать «яблочным»? Вот это и есть самый настоящий лубок – когда вместо серьёзного разговора о самых значимых и важных для всех людей вещах – о счастье, о смерти – мы говорим о куличах и пасхах...

Согласно магической точке зрения духовной мир не зависит от человека, от его внутреннего состояния, человек – его пассивная часть, деталь, механическая игрушка на волнах неведомого для большинства потустороннего мира. Можно, однако, воздействовать на этот мир, и направить это воздействие так, чтобы получить некий ожидаемый результат. Для этого особое посвященное лицо, жрец или маг, должно точно выполнить то или иное обрядовое действие; и если оно правильно совершено, если учтены все значимые потусторонние обстоятельства дела, то результат гарантирован, независимо от внутренних расположений сердца человека, от его веры, взглядов, дел, нравственного состояния и проч. Главное – учесть все обстоятельства и скрупулезно точно, посвященным лицом, исполнить определенный род действий.

Если магия проникает в Церковь, он коренным образом извращает внутренний строй христианина, так что он фактически перестает им быть, хоть может быть внешне весьма воцерковленным человеком. Магия в Церкви прежде всего извращает отношения человека и Бога, извращает саму мысль о Боге. Бог становится не любящим Отцом, а неким абстрактным принципом, внушающим прежде всего не сыновнюю любовь, а боязнь подчиненного к загадочному начальнику. Между человеком и Богом невозможными становятся личные отношения, а именно в них суть нашей религии; возникают отношения формальные, юридические; благоугождение Богу переносится из сферы нравственной – исключительно в исполнение определенных внешних правил. Магическая точка зрения стоит на том, что Богу нужен только обряд,

правильно, во время исполненный; в остальном человек Богу ничего не должен, и отношения человека и Бога этим вполне исчерпываются.

Что из всего этого получается на практике? То, что церковь превратилась у нас в некую белую магию православного обряда. Со Христом человеку не всегда легко и комфортно. Он заповедает: **возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепостию твоею, – вот первая заповедь** (Мк. 12, 30). Это требует, как я уже сказал, нравственного напряжения, устремления сердца ко Господу. Людям это неудобно, да и с амвонов не часто услышишь об этом. Пастырям проще выступать в роли жрецов – отслужить молебен или требу, и, получив плату, на этом закончить созидание Церкви. Людям же легче поставить свечи, написать записки, пройти по канавке и т.п., в надежде, что они автоматически окажут нужное магическое действие, – чем разбираться в своей жизни и строить её в соответствии с Евангелием.

Между прочим, отсюда же происходит и ворох сомнительных историй, по поводу которого недоумевает чувствительная к филологии прихожанка одного из московских храмов. Настоящее, церковное, Евангельское, православное святоотеческое христианство совершается внутри сердца человека, оно скромно, неэффективно, непублично, оно чуждо развлечения, требуя ровности жизни и внимания к себе. В некотором смысле оно сухо и буднично. Если человек не живёт им, то у него появляется потребность расцветивания этой «сухости» внешним (пусть даже и религиозным) развлечением, эффективностью. Об этом прекрасно писал ещё в XIX веке свт. Игнатий Брянчанинов. Отсюда – чудеса, знамения, пророчества о конце света, поиски старцев и стариц, дешёвая апокалиптика, национализм и проч. И всё это тоже вполне подходит под определение лубочности. Фиксируется она в многочисленных устных и письменных историях, по поводу которых ещё в I веке ап. Павел писал: **Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии** (1 Тим. 4, 7).

Итак, на основании вышесказанного определим: лубочное христианство – это профанация, внешнее без внутреннего, христианство без Христа, церковная жизнь без нравственного духовного труда.

В чём его главная опасность? Все внешние вещи, в том числе и фольклорные, вполне имеют право на существование, но при одном условии: если они стоят на своём месте в иерархии христианских ценностей. Если же эта иерархия нарушается, тогда происходит то, о чём говорит Господь – соль Церкви теряет свою силу (ср. Мф. 5, 13). И опять же, это не просто отвлечённое умствование. Не раз в своей пастырской практике я сталкивался со следующим явлением. Вот живёт человек, жизнь его ровная и устроенная. Его вполне удовлетворяют купола и колокола, свечи, записки и молебны. Но приходит какое-то серьёзное искушение, испытание, напасть – внешняя, например, наркомания, алкоголизм родственников, или внутренняя – охлаждение веры, душевная усталость, тот же алкоголизм, и т.п. Человек обращается за помощью, разумеется, к Церкви. И тут оказывается, что купола и колокола, записки и молебны, старцы и канавка не помогают? а ни к чему другому человек в Церкви не привык. Ему не объяснили, что для Церкви всё это – внешний «антураж», действенный лишь постольку, поскольку он является выражением нравственного и духовного личного усилия сердца по направлению ко Христу. Не объяснили вовсе не по злонамеренности какой, а потому, что главенствующее значение в современной церковной идеологии, у многих пастырей, в огромном количестве церковной литературы имеет именно лубочное, псевдоцерковное христианство. Как всякая неправда, при столкновении с реальностью такое христианство терпит фиаско, люди разочаровываются в Церкви, отходят от неё, – что мы и наблюдаем не только в личной жизни многих христиан, но и в масштабе исторического процесса.

Что же делать? На это нам поможет ответить ещё одна цитата из письма вышеупомянутой прихожанки.

Образовательный и интеллектуальный уровень человека еще ни о чем не говорит в Богопознании (скорее даже наоборот).

Вот с этим я никак не могу согласиться. Это называется обскурантизмом – т.е. пренебрежением к образованности, культуре, науке. К сожалению, это нравственное уродство широко распространено в церковной среде. Почему-то многие считают, что работа мысли вредит чистоте церковной жизни. Один известный батюшка как-то, выступая по радио, даже заявил: а я рад, что я необразован. Святые Отцы – что ещё нужно для христианина? – Но как раз святые Отцы все были образованнейшими людьми своего времени, отличавшимися, помимо святости и духовности, высочайшим интеллектуальным уровнем. Церковь создала великую культуру, философию, науку. Обскурантизм же не может ничего создать; будучи по природе явлением маргинальным, он может лишь всё законсервировать и в конечном итоге низвести действительное богатство Церкви до уровня лубка. И ответ на вопрос – что делать? – лежит именно в этой плоскости. Образовываться! Усваивать знания и культуру, осмысливать современность с евангельской и церковной точки зрения, и перестать смотреть на мир сквозь узкую щель лубочного мировосприятия.

Дата публикации: 13.06.2005